

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б39

Дизайн серии Григория Калугина

В книге использованы фотографии из архива РИА Новости
На обложке – репродукции картин Ф. Гойи «Полет ведьм» (1797)
и «Лампа дьявола» (1798)

Составление и предисловие Норы Букс и Ефима Курганова

Б39 Безумное искусство : страх, скандал, безумие / Сост., предисл.
Норы Букс, Ефима Курганова. – М. : Издательство АСТ, 2019. – 304 с.,
ил. (Классика лекций)

ISBN 978-5-17-112630-8

Книга посвящена бытованию в культуре трех основных психоэмоциональных состояний – страха, скандала и безумия. Ведущие специалисты из России, Франции, Америки и Израиля предлагают читателям увидеть скрытые смыслы, лежащие в основе хорошо знакомых произведений: «Ревизор», «Преступление и наказание», «Идиот», «Дядя Ваня», «Мелкий бес», «Лолита» и многих других. Фигуры Гоголя, Достоевского, Чехова, Набокова предстают перед читателем в новом свете. Страх является сильным толчком в развитии личности человека. Но он может стать причиной ее коренного изменения, разрушения, а иногда и гибели. Литературные скандалы вскрывают новые подробности писательских биографий и культурного быта эпохи, что находит воплощение в творчестве литераторов и артистов. И пожалуй, самая интригующая часть книги, вводящая в мир литературного безумия, рассказывает о письме как патологии. Об эпигонах и подражателях, о психически нездоровых героях книг, бреде и галлюцинациях, выполняющих, однако, важные художественные задачи в произведениях.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112630-8

© Н. Букс, 2019	© Н. Сегал-Рудник, 2019
© Е. Курганов, 2019	© И. Сухих, 2019
© М. Виролайнен, 2019	© О. Лекманов, 2019
© Б. Аверин, наследники, 2019	© М. Котова, 2019
© Л. Токер, 2019	© А. Сергеева-Клятис, 2019
© М. Ямпольский, 2019	© А. Кобринский, 2019
© М. Одесский, 2019	© Ж. Брейар, наследники, 2019
© Т. Артемьева, 2019	© В. Руднев, 2019
© Д. Сегал, 2019	© И. Лоцилов, 2019
© РИА Новости, фото	
© ООО «Издательство АСТ», 2019	

Страх, скандал, безумие

Страх — это, пожалуй, самая фундаментальная категория человеческого бытия. Со страха неизменно начинается человеческая жизнь (имеется в виду родовая травма). Без нее никак не обойтись, и она-то как раз и порождает самые первые страхи.

Об этом с предельной убедительностью поведал в свое время Зигмунд Фрейд в «Лекциях по введению в психоанализ»: «Невероятное усиление раздражения вследствие превращения обновления крови (внутреннего дыхания) является в тот момент причиной страшного переживания, первый страх, следовательно, имеет токсическое происхождение. Название Angst (страх) — angustiae (беда) — Enge (теснота, теснина) — подчеркивает признак стеснения дыхания, происходящего в то время вследствие реального положения вещей (при рождении) и впоследствии позже всегда повторяющегося в аффекте страха. Мы признаем также многозначительным и тот факт, что это первое состояние страха произошло вследствие отделения от матери»¹.

Но тут крайне важен не только чисто психологический аспект. Философы, культурологи, писатели выдвинули и обосновали понятие «Первородного страха». Вот что, например, подчеркнул Григол Робакидзе, теоретик и лидер грузинского символизма, в работе «Первородный страх и миф»: «Страх ко-

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М.-Пг., 1923. С. 185.

ренился в самом бытии: чем больше плоскостей пересекаются друг с другом, тем сильнее, тем острее страх»¹.

Итак, страх есть мощнейший, даже краеугольный толчок к развитию человека. Именно в таком ракурсе знаменитый датский философ Серен Кьеркегор выстроил в первой половине XIX столетия свои трактаты «Страх и трепет» и «Понятие страха».

Впрочем, задолго до Кьеркегора категория креативности страха была сформирована в недрах доктрины единогобожия. Именно тогда и был определен принцип полезности и даже неизбежной необходимости страха божьего.

Не случайно царь Давид молил, чтоб ему был открыт высший путь — страх перед именем Бога: «Научи меня, Всевышний, пути Твоему — ходить буду ходить в правде Твоей, направь сердце мое единственно к страху пред Именем Твоим»².

Еврейский богослов XVIII столетия Моше Луцатто считал, что если человеку не откроется путь страха перед именем Бога, то его ждет полная и неминуемая катастрофа. В трактате «Путь творца»³ Луцатто говорил об очищающем значении страха божьего: «Это сказано об истинных любви и страхе — любви к Всевышнему самому, а не к Награде и страхе перед Его вознесенностью, а не перед наказанием. Такой страх очищает человека от тьмы...»⁴.

Однако, кроме того что страх очищает и движет человека вперед, он может разрушать и даже губить человеческую личность. Именно великий страх и порождает во многом безумие.

Мишель Фуко в книге «История безумия в классическую эпоху» подчеркнул: «Цивилизация как таковая представляет собой среду, благоприятную для развития безумия»⁵.

¹ *Робакидзе Гр.* Демон и миф. Тбилиси: 2001. С. 48.

² Псалмы 86: 11.

³ Глава «О любви к Богу и страхе перед ним».

⁴ *Луцатто М.Х.* Путь творца. Иерусалим, 1997. С. 128.

⁵ *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. С. 368.

Связана ли с темой страха тема безумия? Безусловно.

Гиперболизация, густое наращивание страхов приводят к массовым психическим эпидемиям. Напомним, что Ю.М. Лотман в работе «Охота за ведьмами: семиотика страха» показал, что пик охоты за ведьмами падает не на «темные» Средние века, а на времена гораздо более просвещенные: «Страхи, тлевшие в период средних веков, вспыхнули тысячами костров в значительно более «просвещенную» эпоху Ренессанса и барокко, в самый канун Века Разума»¹.

Итак, страх стоит у истоков цивилизации и является глубоко динамическим фактором, но он же, с другой стороны, представляет собой величайшую опасность для цивилизации, разрушая стабильный мир человеческой личности.

Как совершенно справедливо пишет Рики Эмануэль в работе «Страх», ссылаясь на исследования психолога Мелани Кляйн, «страх рассматривался в качестве главной мотивации, которая стимулирует развитие индивидуума, хотя чрезмерный страх, если он выходит из-под контроля, может также иметь противоположный эффект и привести к торможению развития»².

Теперь выскажем одно из возможных истолкований соотношения безумия со страхом.

Да, страх дает контроль, границы, даже этические ориентиры. Но самая реальность нашей жизни зачастую такова, что происходит что-то совершенно не устраивающее индивидуум, которому хочется совсем иной реальности.

И тут-то и подкатывает безумие. Человек окунается в него, спасаясь от реальности. Так что в некотором роде безумие есть наша реакция на действительность, неугодную нам.

Например, паранойя в некотором отношении есть своего рода компенсация за тот безотчетный страх, который

¹ Slavic Almanac. 2003. V. 19. № 12. С. 46-47.

² Эмануэль Р. Страх. М., 2002. С. 23.

охватывает. Тогда и возникает особая уверенность в себе, но на деле она глубоко патологична и строится на игнорировании или трансформации реальности.

Надо иметь в виду, что страх может принимать совершенно разные формы и лики, подчас не совпадающие друг с другом.

Он существует в различных ракурсах: и позитивном, гармонизирующем, глубоко созидательном, и отрицательном, темном, разрушающем личность и цивилизацию.

Точно так же и в сфере культуры страх совершенно неоднозначен и играет в ней важную роль.

Но страх не просто связан с безумием и даже порождает его. Возникает даже особый страх безумия (см. пушкинское «Не дай мне бог сойти с ума»). Карл Ясперс в «Общей психопатологии» писал: «Страх перед душевной болезнью и ощущение надвигающегося безумия — это обычные, но объективно никак не обоснованные симптомы, встречающиеся, в частности, у лиц с психопатиями и слабо выраженной циклотимией, — то есть у тех, кого по существу не приходится считать больными»¹.

Однако далеко не все страшатся безумия. Некоторые индивидуумы радуются ему как освобождению от оков тягостной, мучительной реальности. Они купаются в своем безумии как в нирване, пребывая в вымышленной реальности и не желая знать ничего о реальности действительной, которая их только страшит и пугает.

Конечно, эта реальность потом так или иначе дает о себе знать, но индивидуум пускается в бегство, окунаясь с величайшей радостью в свою реальность, и всеми силами пробует из нее не выходить, максимально держась до последнего. Благополучно все это закончиться вряд ли может, но шутники и отчаявшиеся смельчаки, которые пробуют шутить с реальностью, есть, и их совсем немало. Личность волею обстоятельств рано или поздно изгоня-

¹ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 505.

ется из своей реальности, но некоторое время, правда, ей удается поблаженствовать, дурача себя и других (см., например, «Ревизор» Гоголя).

Однако катастрофа неизбежна. Безумие может подарить лишь временное и притом кажущееся спасение, за которым следует, как правило, оглушительный взрыв.

Личность рано или поздно буквально втаскивается в реальность, и причем с очень большим ущербом для себя. Сражение с реальностью всегда чревато поражением, и поражением страшным, безобразным, отвратительным.

В общем, есть страх безумия, но есть и страх реальности. Преодоление последнего страха через упрятывание в *свою* реальность может лишь временно отдалить катастрофу, и это только усилит неприятности и катастрофичность грядущего финала.

Страхов существует великое множество, и одни из них стабилизируют личность, стимулируют ее развитие, а другие ведут в итоге к ее разрушению. В безумии эта богатая, разнообразная диалектика страха очень четко различима.

Пребывание человеческой личности в параллельных мирах — реальном, но нелюбимом и даже ненавидимом, и своем, родном, но во многом вымышленном, — не просто относится к области психопатологии, но часто несет на себе знак явного безумия. А ведь в искусстве феномен параллельных миров довольно часто становится предметом описания и даже любования (см. многочисленные исследования на данную тему, принадлежащие перу Вадима Руднева).

В русской литературе тема безумия — очень большая, многоаспектная тема, получившая разработку в целом ряде блистательных шедевров («Записки сумасшедшего» Гоголя, «Идиот» Достоевского, «Мысль» и «Красный смех» Леонида Андреева, «Школа для дураков» Саши Соколова, «Записки психопата» Вен. Ерофеева и т.д.). Можно даже говорить о существовании целой традиции, очень развет-

вленной. Да, есть, без сомнения, «безумный» текст русской литературы.

Страх в ряде случаев не только порождает безумие, но еще и стимулирует скандалы как особую модель человеческого поведения. Как безумие, настигая человека, фактически спасает его от неугодной реальности, так и скандал часто является формой самозащиты. Звучит, может, и неожиданно, но это именно так.

Можно даже сказать, что в некотором роде скандал прямо вытекает из страха, и причем страха совершенно определенного, из неуверенности индивида в самом себе, в своих законных правах на большой успех.

Скандал — это фактически есть щит, которым прикрывается неудачник или боящийся неудачи, а не победитель, человек, уже потерпевший фиаско или мысленно предугадывающий свое неизбежное поражение. Вспомнить, к примеру, образ Фомы Опискина в повести «Село Степанчиково и его обитатели», фактически открывающей послекаторжный период в творчестве Достоевского. Данный образ представляет собой скандальный нерв этого гениального произведения.

Вообще Достоевский поднял в своем творчестве тему скандала на необычайную художественную высоту. Скандал просто запрограммирован во всех его романах, созданных после десятилетнего вынужденного перерыва. Об этом писалось уже не раз, но в основном в довольно-таки локальном разрезе. Эстетика скандала у Достоевского еще ждет своего фундаментального исследования.

Но возвращаемся теперь к скандалу как к особому типу поведенческого механизма.

Идущий на скандал зачастую как раз потому и идет на него, что знает: обычным, легальным путем победы ему никак не одержать и внимания на себя не обратить. Из этого страха тотального поражения и рождается скандал как таковой и вообще разные формы эпатажа. Так что основная база скандала — это глубинное чувство неуверенности.

Покойный критик Виктор Топоров, который знал толк в скандалах, сам не раз скандалил, и подчас весьма безобразно, сделал следующее прелюбопытное признание: «Скандал — это всего лишь способ агрессивно заявить о себе. Поэтому литературные скандалы — удел слабых»¹.

Так что страх безумия так же реален, как и страх авторского проигрыша, который как раз в первую очередь и приводит к скандалам в искусстве. Конечно, в реальности все гораздо сложнее. Механизм скандала еще требует своего подробного описания, сделанного на стыке разных наук: литературоведения, физиологии, психологии и даже психиатрии. Пока что объективные законы скандала так и не сформулированы. И пока что можно лишь приблизительно нащупать законы скандала.

Скандал есть порождение страха и форма саморекламы, попытка самоутверждения, частенько не имеющая под собой реальных оснований. Но вполне возможна и такая ситуация, когда личность имеет все основания для творческой победы, но, несмотря на это, одержима беспочвенными страхами, отчего и решается на скандал, то есть на нелегальный, незаконный прорыв к успеху.

И еще один очень даже немаловажный аспект — тема скандала в художественном творчестве. Она таит в себе просто громадные возможности и перспективы, подтверждением чему являются отнюдь не только романы Достоевского.

Назовем хотя бы «Ревизор» и «Мертвые души» Николая Гоголя, трагедию Владимира Маяковского «Владимир Маяковский», «Скандалиста с Васильевского острова» Вениамина Каверина, «Роман без вранья» Анатолия Мариенгофа, «Алмазный мой венец» Валентина Катаева, «Трепанацию черепа» Сергея Гандлевского и т.д.

Вот как образно и довольно точно определил линию скандала в литературе Осип Мандельштам: «Скандалом

¹ Топоров В. Литературная «Аль-Каида» // Семиотика скандала. П.-М., 2008. С. 570.

называется бес, открытый русской прозой или самой русской жизнью в сороковых, что ли, годах. Это не катастрофа, но обезьяна ее, подлое превращение, когда на плечах у человека вырастает собачья голова. Скандал живет по засаленному просроченному паспорту, выданному литературой. Он — исчадие ее»¹.

Итак, страх — корень и человеческого бытия, и творчества, он лежит в основе очень многих культурных механизмов совершенно разного плана, которые без соотношения со страхом просто не могут быть в полной мере поняты и осмыслены.

В 2004–2008 гг. в Сорбонне прошел цикл симпозиумов «Семиотика страха — Семиотика безумия — Семиотика скандала». В них приняли участие слависты Франции, Германии, Швейцарии, Эстонии, России. По прочитанным там материалам были изданы книги.

Настоящее издание — это своего рода антология, в которой представлены прошедшие испытание временем доклады участников.

---

¹ *Мандельштам О.Э.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 76.

CTPAX

Страх и смех в эстетике Гоголя

Когда «Ревизор» был впервые представлен на петербургской сцене, Гоголь решил, что комедия провалилась. Он был настолько подавлен и удручен, что отказался принять участие в московской премьере. Между тем никакого провала, в сущности, не было: публика смеялась и аплодировала, сам император смеялся в своей ложе. Провалилась не пьеса — провалился замысел Гоголя.

Это был замысел грандиозный, почти безумный, настолько же органичный для эпохи, насколько не соответствующий ей.

Среди идей позднего русского романтизма одной из центральных была идея преобразования. Связанная с именем Рафаэля и его картины, эта идея особенно популярна была в круге «Московского вестника», оказавшего сильнейшее влияние на эстетические воззрения Гоголя. С идеей преобразования был связан замысел «Мертвых душ», в третьем томе которых должна была предстать преобразенная Россия. С той же идеей был связан и замысел «Ревизора». В тот момент, когда сценическое действие замирало в немой сцене, возвратясь к исходной ситуации явления ревизора и полностью исчерпав себя как пьесу, написанную для актеров, в зрительном зале должно было начаться действие иного рода. Позднее Гоголь специально подчеркивал, что «Ревизор» — «без конца», что текст комедии — это не завершенное ее содержание. Завершиться